

Исследование особенностей двуязычия мордвы в Республике Мордовия и местах компактного проживания в Российской Федерации

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 08-04-23405 а/В.

Н. М. Мосина,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры финно-угорского
и сравнительного языкознания
ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева»
(г. Саранск, РФ)

Проблема низкого национального самосознания российских финно-угров, в том числе мордвы, была предметом постоянной обеспокоенности и заботы просветителей волжского и приуральского региона в отдаленные от нас времена, не менее острой она остается и в наши дни. В работах многих отечественных и зарубежных исследователей этнической истории и языков народов России всесторонне раскрыты причины и особенности сложившейся ситуации и на примере подлинной демократии, способствующей цивилизованному развитию человечества, предложены пути, способы и методы выхода из нее. Вопросы этнокультуры и этнолингвистики получили интенсивное и широкое обсуждение в научной и общественной жизни в последние 15 лет, с периода восстановления демократизации и гласности.

Анализ этнолингвистической ситуации и низкого национального самосознания российских финно-угров мы находим в различных публикациях регионального, межрегионального, общероссийского и европейского уровней. Поискам путей решения этой проблемы посвящены симпозиумы, конференции, съезды и международные конгрессы финно-угорских народов.

Безусловно, одной из объективных причин такого положения является чрезмерная дисперсность мордовского населения особенно эрзян. Согласно переписи населения РФ 2002 г., в настоящее вре-

мя численностью от 1 до 86 тыс. чел. мокшане и эрзяне зафиксированы, кроме Мордовии, почти в 50 регионах России. Следует иметь в виду, что географически почти во всех районах Республики Мордовия рядом с мокшанскими и эрзянскими населенными пунктами располагаются русские села. В то же время в районных центрах и селах, расположенных близко к городам, особенно к Саранску, вместе с мокшанами и эрзянами проживает много русских. Обычно в таких населенных пунктах мордовские языки в школах не ведутся или, в лучшем случае, изучаются факультативно. Более того, делопроизводство на всей территории республики осуществляется только на русском языке.

В семьях, где один из родителей русской национальности, общение между родителями и детьми происходит на русском языке, потому что, с одной стороны, родитель русской национальности, как правило, не знает мокшанского или эрзянского языка, а с другой – в семье стремятся к тому, чтобы дети хорошо знали русский язык.

Известно, что в семьях, где один из родителей русской национальности, общение между родителями и детьми происходит на русском языке, потому что, с одной стороны, родитель русской национальности, как правило, не знает мокшанского или эрзянского языка, а с другой – в семье стремятся к тому, чтобы дети хорошо знали русский язык и у них не было «трудностей» в школе.



Все шире распространяется практика: если при скоплении нескольких (многих) мокшан или эрзян присутствует хотя бы один русский, то все говорят только по-русски, так как мокшане и эрзяне в таком случае говорить на родном языке «не смеют», чтобы не выглядеть «невежественными».

Замечено, что в речи мокшан и эрзян, проживающих в более отдаленных от райцентров, поселков городского типа, городов, особенно столицы, селах, русизмов в речи гораздо меньше, чем у мокшан и эрзян, проживающих в районных центрах и городах, где русский язык является преобладающим. Неодинаковая степень употребления русизмов выявляется и по демографическому признаку. Наблюдения показывают, что в речи взрослых мужчин русизмы встречаются чаще, чем у женщин того же возраста одного и того же села. Речь детей там, где воспитание в детских садах и преподавание в школе с 1 класса ведется только на русском языке, также насыщена русизмами больше по сравнению с речью людей старшего поколения. Зафиксирован неравнозначный уровень использования русских слов у лиц, занимающихся физическим трудом, и у руководителей учреждений, организаций, предприятий, проживающих в одном и том же населенном пункте.

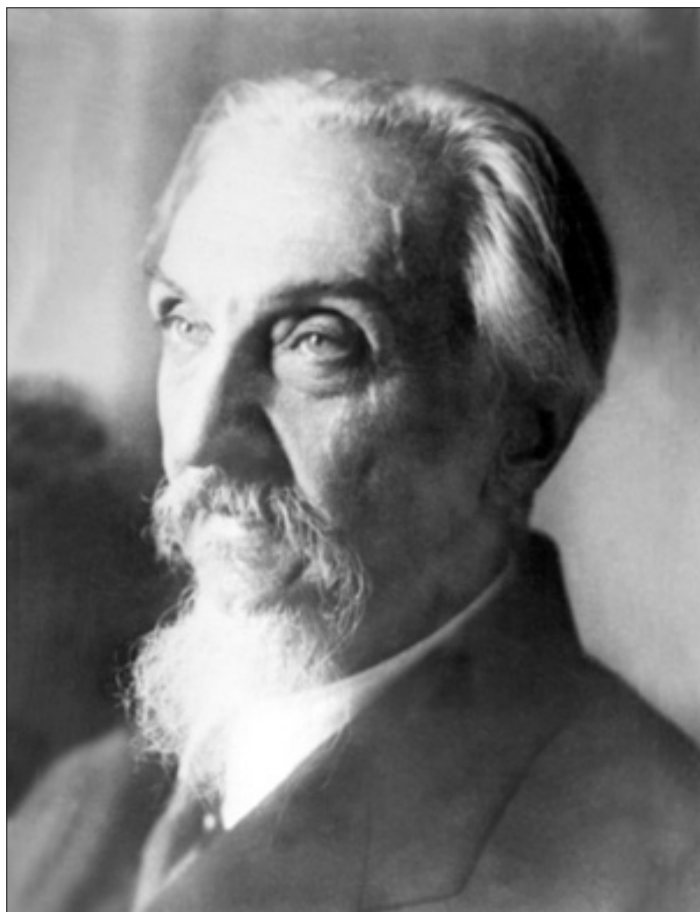
Языковые предпочтения и распространение двуязычия у восточно-финских народов России, в том числе мордвы, проанализированы С. Лаллукка в книге «Восточно-финские народы России» [3].

По степени распространенности мордовско-русское двуязычие фактически является односторонним и массовым. О его массовом характере в настоящее время говорит то, что, по существу, ни в одной из имеющихся мордовских деревень как в Республике Мордовия, так и в местах компактного проживания мордвы в России не обнаружено ни одного мордвина (эрзянина или мокшанина), не понимающего русской разговорной речи или не говорящего на русском языке (с определенными особенностями родного языка).

Даже без конкретных исследований (которые, конечно, необходимы) четко вырисовывается картина распространения мордовско-русского двуязычия с преобладанием эрзянского или мокшанского языка в сельской местности, а с преобладанием русского – в городах, рабочих поселках и в некоторых районных центрах Мордовии.

В процессе изучения лексики мокшанского и эрзянского литературных языков и их диалектов в Республике Мордовия и в местах компактного проживания мордвы проявляется набирающая силу тенденция активного влияния русского языка на речь мокшан и эрзян.

По степени распространенности мордовско-русское двуязычие фактически является массовым.



Л. В. Щерба

Анализ языкового материала мордвы-эрзи в Республике Мордовия обнаруживает неоднородность использования русизмов в разговорной речи по территориальному, возрастному и профессиональному признакам.

В результате длительного контактирования с русскими у мордвы-эрзи возникло смешанное эрзянско-русское двуязычие с различными типологическими вариантами, специфической чертой которых является разный объем употребления русских слов, словосочетаний или даже предложений, оформленных, а порой и не оформленных в соответствии с нормами эрзянского языка. В смешанном двуязычии эрзян можно выделить два основных варианта, а именно: а) полное замещение эрзянских лексем русскими, оформленными морфологическими средствами эрзянского языка, ср.: *panel't'n'en' kras'iz' s'erok kraskaso* «панели покрасили серой краской»; *sobran'ijason't' r'ešas't' s'akoj voprost* «на собрании решали разные вопросы»; *plan'orkast poka n'e končils'a* «планерка (их) пока не закончилась»; б) неполное (частичное) заещение, ср.: *m'in' teči dum'in'ek tujems gorodov* «мы сегодня надумали уехать в город»; *ul'c'an't' jutkova traktortne t'ejn'es't' a jutavic'a jamat* «вдоль улицы тракторы наделали непроходимые ямы»; *a sin' kartaso najar'ivajut* «а они в карты наяривают (играют)».

Согласно У. Вайнрайху, существует ряд способов воздействия лексической системы одного языка на

другой [2]. В мордовские языки русизмы проникали и проникают различными путями лексической интерференции.

Множество русских лексем попало в эрзянский язык в виде простых слов через прямое перенесение последовательности фонем. К таковым следует отнести:

– междометия: *Ospod'i!* (< господи) – *Ospod'i!* – *pokš pas'iba t'et'!* (Абрамов) «Господи! – Большое спасибо тебе!»; *pas'iba!* (< спасибо) – *Pas'iba, Ivan Il'ic* (Щеглов) «Спасибо, Иван Ильич»; *aj-da* (< айда) – *Aj-da Pahom!* «Айда Пахом!»; *cic* (< цыц!) – *Cic!* – *vačkod'iz'e Arlam at'a p'il'g'enze* (Куторкин) «Цыц! – топнул дед Арлам ногой»;

– отдельные слова, словосочетания и восклицательные выражения: *Oh ton b'ezdar'at!* (Ох, ты бездарь!); *n'išk'epaz* (< боже мой); *kučoms pozdorovt* (< поздравления); *dumams* (< думать); *robotams*

(< работать); *p'il'ams p'ilaso* (< пилить пилой), *kras'ams s't'enat* (< красить стены) и т. д.

Например, русское *sad* «участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами; сами растущие здесь деревья, растения» в говорах эрзянского языка получило «усиление» с образованием слова *sadb'ir'e* (*sad* + *p'ir'e*) «огород». Посредством такого же усиления возникло эрзянское *rodn'a-ras'k'e* (< родня).

Примеров прямого перехода русских слов в эрзянский язык с сохранением последовательности фонем существует значительное множество: *k'ir'p'ec'* (< кирпич), *s'ugin* (< чугун), *kapsta* (< капуста), *morkov* (< морковь), *molotka* (< молоток), *p'ila* (< пила), *s'er'eda* (< среда) и т. д.

Другим способом интерференции на лексическом уровне является расширение значения исконных эрзянских слов под влиянием семантики слов рус-

ского языка. Так, мордовское слово *t'eškstams* первоначально выражало только «подчеркнуть, провести черту». В русском языке соответствующий глагол «подчеркнуть» выражает как конкретные, так и абстрактные понятия типа «выделить, отметить». Вследствие этого эрзянское слово *t'eškstams* также стало выражать тождественное абстрактное понятие «отметить», ср.: *t'eškstams čačomači* «отметить день рождения». Эрзянское слово *kajams*, первоначально означавшее, вероятно, только «бросить что-то», стало полисемантическим и под влиянием русского глагола *снять* («снять с работы кого-то») стало выступать семантически тождественным ему словосочетанию *kajams robotasto*, «снять с работы».

На наш взгляд, в результате данного типа интерференции расширили свое употребление следующие слова: *kužo* – «улица, круг» впоследствии «отделение», ср.: *finnen'-ugran' kužon' stud'ent* «студенты финно-угорского отделения»; *pusto* «букет», первоначально *roza pusto* «букет роз», затем «группа», ср.: *ejkakšon' pusto* «группа детей»; *čačo* – «лицо», отсюда грамматический термин «лицо», ср.: *glagolon't' čačova polavt'n'ema* «изменение глагола по лицам» и т. д.

Наряду с простыми словами, как мы уже убедились, в вариантах



Мордва. Фото М. Е. Евсеева



эрзянско-русского двуязычия из русского языка в эрзянский проникают сложные образования, фразы и полные предложения. Среди них можно выделить:

а) сложные слова, вошедшие в эрзянский язык со всеми компонентами, образовавшимися по системе русского языка: *aeroplan*, *samol'ot*, *k'erogaz*, *samosval* и многие другие;

б) сложные слова, словосочетания и даже пословицы, которые воспроизводятся посредством эрзянских лексем: *lovnomakudo* (< изба-читальня); *jakšam at'a* (< дед мороз); *m'ez'e v'id'at*, *s'ek'en' nujat* (< что посеешь, то и пожнешь); *es'et' kanstos' a mar'av'i* (< своя ноша не в тягость).

Данный тип интерференции У. Вайнрайх называет калькой и выделяет в нем несколько подвидов [1]. Таким способом в эрзянском языке образовались:

1) собственно кальки, воспроизводящие русскую модель точно, морфема за морфемой, ср.: *asatiks* (< недостаток); *alamo* (немного); *a z'ardo* (некогда); *a koso* (< негде); *v'ed'bramo* (где *v'ed'* «вода» + *pramo* «падение») (< водопад) и т. д.;

2) кальки толкования, где сложное образование модели русского языка создает повод для воспроизведения, ср.: *kortamo p'el'ks* (< грам. часть речи); *valm'el'gaks* (где *val* «слово» + *m'el'gaks* «остаток, находящийся позади») (< грам. послелог).

По третьему типу интерференции образовался ряд сложных лексических образований, представляющих собой перенесение одних элементов и воспроизведение других. Так в эрзянском языке возникли сложные лексические единицы следующего характера: неопределенные местоимения: *koj-m'ez'e* (< кое-что), *koj-k'ie* (< кое-кто), *koj-kodamo* (< кое-какой), *koj-z'aro* (< сколько-то); наречия: *koj-koda* (< кое-как), *koj-koso* (< кое-где), *koj-kuva* (кое-где); сложные слова и словосочетания: *v'el'sov'et* (от *v'el'en'* + *sov'et*) (< сельсовет).

Следует обратить внимание на то, что русские заимствования, перейдя в эрзянский язык, некоторым образом оказывают влияние на семантическую микросистему замененного слова, т. е. они не просто заменяют исконное слово, а создают интерференцию его семантического поля. В этом отношении заимствования можно разделить на две разновидности. Первую составляют заимствования, дополняющие



У. Вайнрайх

словарный состав эрзянского языка без создания определенной семантической микросистемы. К ним относятся слова, обозначающие новые реалии: *k'irp'ec'* (< кирпич), *kr'ost* (< крест), *skola* (< школа) и т. д. Вторая разновидность, а это большинство заимствований, оказывает существенное влияние на семантическую микросистему исконного словарного состава заимствующего языка. Например, заимствованное из русского слово *rabota* заметно повлияло на семантическое поле, а в связи с этим и на среду употребления относительно равнозначного исконного слова *t'ev* «работа, дело». В одних контекстах их значения тождественны, ср.: *N'ejk'e mon a tuevan kudov, mon' ul'i ešt'o robotam* «Сейчас же я не смогу уйти, у меня есть еще работа». Или: *Tin' m'eks ašt'et'ado t'ev'tem'e* «Вы почему сидите без работы». В данном случае слова *t'ev* и *rabota* – абсолютные синонимы. Вместе с тем русское *rabota* в эрзянском языке заметно сузило семантическое поле исконного *t'ev*. Например, в контекстах: *Ton' robotamo tarkat ul'i?* «У тебя есть место работы?» или *Ton koso robotat?* «Ты где работаешь?» слово *t'ev* уже не может заменить заимствованную лексику *rabota*. *T'ev* в современном эрзянском языке стало больше использоваться в семантеме «дело». Заметим, что в последнее время вместо русского *rabota* и глагола *robotat'* в эрзянском все чаще стали использоваться

В процессе изучения лексики мокшанского и эрзянского литературных языков и их диалектов в Республике Мордовия и в местах компактного проживания мордвы проявляется набирающая силу тенденция активного влияния русского языка на речь мокшан и эрзян.



родные слова *važod'ema* «работа» и соответственно *važod'ems* «работать».

В подобном же соотношении в эрзянском языке находятся исконное слово *ras'k'e* «род, родственник», в говорах «потомство, победы», и заимствования *rod* и *rodn'a*. В эрзянском литературном языке, и особенно в его многочисленных говорах, чаще наблюдается употребление заимствований. Приведем примеры из эрзянско-русского словаря 1993 г. [5]: *Umok er'i Najmanson'i' Garuzovon' rodos'* «давно живет в Наймане род Гарузовых»; *kup'ec'en' rod* «купеческий род»; *er'z'an' k'el'se aras' rodon' kat'egor'ia* «в эрзянском языке нет категории рода»; *rodtomo, pl'emavtomo* «без рода и племени». В этом же словаре имеется более узкое толкование слова *ras'k'e* «родственник, родня»: *aras'el' sinst a rod'n'ast a ras'k'est* «у них не было ни родных, ни близких»; *son ul'n'es' t'enze rod'n'aks-ras'k'eks* «он был его родственником». В последнее время в литературном языке слово *ras'k'e* стало встречаться гораздо чаще.

Переменное употребление исконных и заимствованных слов создает в эрзянском языке семантическое смешение содержания его лексической системы. Кроме того, значительная часть русских заимствований в процессе интеграции в эрзянский приводит к исчезновению исконной лексики. В современном эрзянском языке почти исчезло из употребления или, по крайней мере, существенно снизило свою частотность мордовское слово *štatol*, вместо которого в большинстве случаев используется русское *sv'eča*

Необратимый процесс обрусения распространяется на все финно-угорское население рассматриваемого региона. Об этом процессе убедительно свидетельствуют итоги переписи населения Российской Федерации 2002 г.

«свеча». Например, в текстах и разговорной речи в технической сфере употребляется только *sv'eča*. В подобном соотношении находятся и такие исконные и заимствованные лексемы, как *targo* (< *n'ed'l'a*) «неделя», *k'ed'g'e* (< *posuda*) «посуда», *sokst* (< *ližat*) «лыжи», *ušmo* (< *vojska*) «войско», (*tuvor* < *stol*) «стол», *sel' < sažen'* «сажень», *s'en'ej* (< *som*) «сом (рыба)», *p'iže* (< *m'ed'*) «медь (металл)» и т. д.

В процессе интерференции заимствованная лексема не всегда может отвергнуть исконное слово [4]. При этом в семантемах данной параллели возникает специализация значений [2]. Данное явление в эрзянском языке наблюдается весьма часто. Например, в говоре с. Кеченьбие Ардатовского района Республики Мордовия сосуществуют исконное *ponjkt* и русское *štanat* «брюки». Однако *ponjkt* в настоящее время означает «кальсоны», ср.: *jakšamo čitn'este štana alga s'ed'e parol' bu oršams ponjktkak* «в холодные дни под брюки было бы лучше надеть и кальсоны». Такое же соотношение в употреблении характерно

The
Finno-Ugric
World

Teleki László Foundation

Hungarian National Organisation
of the World Congress
of Finno-Ugric Peoples

FINNO-UGRIC ETHNICITIES
IN RUSSIA:
YESTERDAY, TODAY,
AND TOMORROW

Castrenianumin
toimittaita 59

FACING FINNIC



SOME CHALLENGES TO HISTORICAL
AND CONTACT LINGUISTICS

ОТЕЧЕСТВО
В РОССИИ

СЕРПКО ЛАЛЛУККА

ВОСТОЧНО-ФИНСКИЕ
НАРОДЫ РОССИИ

TURUN YLIOPISTON
SUOMALAISEN JA YLEISEN
KIELITIEHEN LAITOKSEN JULKAISUJA
PUBLICATIONS
OF THE DEPARTMENT OF FINNISH
AND GENERAL LINGUISTICS
OF THE UNIVERSITY OF TURKU

70

VOLGAN ALUEEN KIELIKONTAKTIT
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ ПОВОЛЖЬЯ

TURKU 2002





«Бабань парь». Детский сад № 127. Саранск, 2009 г.

для *l'el'a* и *brat* «брат». Русское *brat*, интегрируя в говор, получило более широкое употребление, а эрзянское *l'el'a* стало выражать только понятие «старший брат» по отношению к младшему. Русское слово *tuman* «туман» заметно сузило употребление исконного *suv*. В литературном языке последнее выражает значение «туман, пелена, завеса; кисея, марля», а в говоре употребляется только в значении «пелена, завеса», ср.: *čokšn'e jonov p'ir'et'n'e v'el'kska targavs' kačamon' suv* «к вечеру над садами затянулась дымовая завеса».

Роль языка, самой исторической памяти, стержня национального самосознания, как фактора, обеспечивающего связь прошлого с настоящим и будущим, ни в Республике Мордовия, ни в других финно-угорских регионах России вроде бы никем решительно не отвергается. Вместе с тем отказ от родного эрзянского, мокшанского, марийского, удмуртского и других родственных языков охватывает все больше и больше населения, причем как взрослых, так и детей. Необратимый процесс обрусения распространяется на все финно-угорское население рассматриваемого региона. Об этом процессе убедительно свидетельствуют итоги переписи населения Российской Федерации 2002 г.

Ключевые слова / keywords:

мордовско-русское двуязычие; лексика эрзянского языка; русизмы; лексическая интерференция

Mordovian-Russian bilingualism; the Erzya language vocabulary; Russian borrowings; lexical interference

Поступила 06.04.2009

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – М., 1972., – Вып. 6. – С. 25–60.
2. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев : Вища школа, 1979., – 263 с.
3. Лаллукка, С. Восточно-финские народы России / С. Лаллукка. – СПб., 1997.
4. Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л. В. Щерба. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – 182 с.
5. Эрзянско-русский словарь / ред. Б. А. Серебренников и др. – М. : Рус. язык, 1993. – 157 с.

